

проастий» (№ 2.25—26), — в данном случае понимание термина как «пригород, подгородный участок» не представляется возможным.

Из обильного материала по византийской просопографии нашего читателя особенно должно привлекать несколько моментов. Протоспафарий Фома Цула был в 942 г. крупным чиновником в Солуни (№ 4.13—14, № 5.16, 35, 43). Вполне возможно, что Георгий Цула, протоспафарий и стратиг Херсона около 1016 г., принадлежал к этой же фамилии, и в таком случае вопрос о херсонском происхождении Цула нуждается в пересмотре. На грамоте 942 г. стоят кресты Василия Гаразда и ловчего Димитрия Непривада, земледельцев из Иериссо (№ 4.1—2). По всей видимости, эти фамилии — славянского происхождения. Возможно, что славянского происхождения и топоним Хлумуца (№ 2.14).

Для истории византийского мировоззрения очень любопытен пространный и риторический сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. В нем мы сталкиваемся с характерным для средневекового пониманием свободы: то, что монахи Афона пользовались полной свободой и превратили свою территорию в «не имеющую господина» (*ἀδέσποτον*), отнюдь не представляется патриарху благом (№ 11.73—79). «Потоком свободы» монахи были увлечены прочь от порядка (№ 11.86), приверженцы свободы, они нарушили каноны (№ 11.92—93). Ни сигиллий Нифонта, ни сопровождающий его хрисовул Андроника II от 1312 г. (№ 12) не нарушили сколько-нибудь серьезно афонской независимости — они установили лишь обряд конфирмации афонского рота патриархом; центр тяжести постановления патриарха лежит, как нам кажется, не в сфере политической борьбы, но в области мировоззрения: свобода и безвластие, в отличие от античного общества, мыслились в Византии отнюдь не как достоинства.

Описание документов, их палеографический анализ являются образцовыми. Можно возразить лишь против предлагаемой датировки копий первых трех документов: сигиллия Василия I, акта Льва VI и хрисовула Романа I и Константина VII. Как указывает Д. Папахрисанфу, эти документы представлены написанными на одном листе пергамента древними копиями, выполненными одним писцом. Издательница относит время изготовления копий к XII в. (со знаком вопроса) и считает, что писец подражал при этом почерку X в. (с. 177). Нам кажется, что копии с указанных документов были сняты не в XII в., а в X в.; нижней границей для датировки копий является 934 г., дата издания самого позднего документа данной группы: XII столетие, по нашему мнению, нигде не проявилось в почерке писца копий, его почерк типичен для писца-профессионала первой половины X в. (см. табл. I—IV). Весьма вероятно, что эти копии были изготовлены в Солуни, возможно, в канцелярии стратига, — для такого заключения достаточно сравнить их выработанный почерк с почерком написанных на самом Афоне документов № 4—6, 942—943 гг. (см. табл. V—X).

Значение рецензируемой книги не ограничивается публикацией актов. Работа содержит самую полную на сегодняшний день историю Афонского полуострова, начиная с периода до заселения его монахами до X в. включительно, характеристику организации Афона и историю Протата: вновь составленный Д. Папахрисанфу список протов (с. 129—150) полнее перечня Ж. Даррузеса, опубликованного в 1963 г. В книге содержится множество интересных наблюдений, сделанных в процессе анализа византийских источников (особенно это относится к периоду деятельности Афанасия Афонского); ряд наблюдений имеет общее значение; так, Папахрисанфу приходит к выводу, что иконоборчество не породило массовой эмиграции монахов из Малой Азии (с. 12), останавливается на роли ивилов в ранней истории Афона (с. 83—85), показывает, что правительство Константина IX предпринимало попытки ограничить экспансию афонских монастырей (с. 107).

А. К., Б. Ф.

Новое издание произведений Андрея Ливадина.

Ὁδ. Λαμφίδης. Ἀνδρέου Λιβανίου βίος καὶ ἔργα. (Πηγαὶ τῆς ἱστορίας τῶν Ἑλλήνων τοῦ Πόντου, 1). Ἀθήναι, 1975, 309σ.

Творчество византийского ритора XIV в. Андрея Ливадина оставалось до сих пор практически неизученным: можно было назвать лишь две статьи М. Параники, содержащих пересказ данных основного труда Ливадина «Путевые записи» («Περιηγήσις») ¹, да краткие замечания в общих обзорах византийских источников ². Сочинения Ливадина использовались в конкретных исследованиях, преимущественно по истории Трапезундской империи, но и это использование было затруднено, так как

¹ Παράνικα Μ. Περί Ἀνδρέου τοῦ Λιβανίου Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Τραπεζουήτου. ΚΕΦΣ, 7, 1874, σ. 7—15; Ἡ Τραπεζουή κατὰ τὸν Ἰ᾽ αἰῶνα — ИРАИК, 4, 1899, вып. 1, с. 186—203; ср. *idem*. Beiträge zur byzantinischen Litteratur. Diss. München, 1870, S. 23—42.

² См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 422; Colonna M. E. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Napoli, 1956; Моравчик Г. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 219; Попова Т. В. Литература Трапезундской империи. — В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, с. 304 (с неточностями).

существовало единственное и некритическое издание текста «Перииггисиса», выполненное еще в 1874 г. тем же Параникой³. Правда, семь небольших стихотворных и прозаических произведений Ливадина было издано в 1912 г. с комментариями Н. Бенеску⁴, а в 1959 г. часть энкомия Ливадина св. Фоке появилась в публикации М. Колонна⁵.

Теперь, благодаря полному критическому изданию всех известных сочинений Ливадина, выполненному греческим филологом и историком Понта Одиссеем Лампсидисом⁶, возможности комплексного изучения наследия этого интересного византийского писателя значительно расширились⁷. Двенадцать произведений, написанных рукой самого Ливадина, дошли до нас в составе Cod. Monac. gr. 525. Это Перииггисис, Исповедание веры, Молитва об избавлении от голода, язвы и пагубы, два письма керасунтскому иеромонаху Герасиму, стихи на успение Богородицы, 136 ямбических стихов на рождество Богородицы, Ямбы на благовещение, Энкомий св. Фоке, Сравнительная таблица названий месяцев у разных народов древности и два неизданных ранее тропая Богородице. Издавая все эти произведения, Лампсидис стремился к максимально точному воспроизведению автографа Ливадина и сделал исправления только явных опусок и ошибок писца. Еще одно произведение — стихотворная эпиграмма на судью — издано по Cod. Laurent. 89, Sup. 85. Публикация сочинений Андрея Ливадина сопровождается пространным реальным комментарием. В книге Лампсидиса имеются также хронологические таблицы событий, относящихся к жизни и творчеству Ливадина (с. 258, 297—299), указатели новообразованных слов (с. 248—253), имен и фактов (с. 287—296), краткое резюме на французском языке (с. 300—304). Отдельный параграф посвящен разбору ритмических особенностей стихов Ливадина (с. 233—241)⁸.

Издатель пытается реконструировать биографию Ливадина на основании информации, содержащейся в тексте его произведений. Ливадин родился в первое пятнадцатилетие XIV в. (с. 267, ср. с. 211 — между 1312 и 1316 гг.) в Константинополе. До 12 лет приобщился к занятиям, которые сам он называет *ἐλληνικὴ προπαίδεια* (с. 44.8—9), затем недолго посещал церковную, возможно, патриаршую школу в Константинополе. Болезненный и с детства экзальтированный мальчик мечтал увидеть св. места. Между 1321 и 1328 гг. это ему удалось, когда он в качестве ипограмматевса примкнул к византийскому посольству, отправлявшемуся к мамлюкскому султану⁹. Вернувшись в Константинополь, он вскоре отправился на Тенедос в должности императорского апографевса. Через некоторое время, около 1335 г., Ливадин, по приглашению трапезундского императора Василия (1332—1340), знавшего его еще по Константинополю, уехал в Трапезунд для занятий преподававшей там астрономией. Принятый с почетом императором и митрополитом, Ливадин стал в Трапезунде тавулярием и хартофилаком. Возможно, как предполагает Лампсидис, он принял здесь сан священства. В годы гражданской войны в Трапезундской империи (1341—1355) Ливадин оказался свидетелем и участником этих бурных событий, претерпевая к феодальному клану Схолариев и сполна познав бедствия, опалы и лишения. Вернув с 1355 г. себе прежнее положение, Ливадин выступал в качестве официального оратора на больших религиозных праздниках и торжествах в Трапезунде. Умер он, вероятно, вскоре после 1361 г.

Сочинения Ливадина, особенно «Перииггисис», донесли до нас ценную (хотя часто и завуалированную иносказательностью и умышленными умолчаниями) информацию о Трапезундской империи в середине XIV в., о мятежах знати и набегах туркменов, о роли иноземцев и наемников, о мореплавании и судоходстве, связях Трапезунда с Крымом. Но их значение не исчерпывается только этим. Творчество Ливадина представляет собой интересный образец литературного труда тех «средних» слоев византийской интеллигенции XIV в., чьи произведения сохранились в небольшом коли-

³ Ἀνδρείου Λιβადηνοῦ Περὶ ἰγγίσις... ἐξέδωκε Μ. Παράνικας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1874.

⁴ Banescu N. Quelques morceaux inédits d'Andréas Libadénus. — «Βυζαντις», т. 2, τευχ. 3—4, 1912, p. 358—395.

⁵ Colonna M. E. Sull' Encomio di Andrea Libadeno per San Focas martire e taumaturgo. — «Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata», vol. 13, 1959, p. 147—154.

⁶ О. Лампсидису принадлежит также заслуга в издании ряда других важнейших источников по истории Трапезундской империи в области Понта; см.: Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου. Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν. — «Ἀρχεῖον Πόντου», 22, 1958; с. 5—124 (и отдельное издание — Ἀθήναι, 1958); Ἅγιος Εὐγένιος ὁ Τραπεζούντιος. Ἀνεκδότα κείμενα. — «Ἀρχεῖον Πόντου», 18, 1953, с. 129—201; Ἀνεκδότα ὁμολογητικὰ ἔργα Ἰωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ. — «Νέον Ἀθηναῖον», 5, 1964/1966, с. 5—26; Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἐκφρασις Τραπεζούντος. — «Ἀρχεῖον Πόντου», 20, 1955, с. 3—39.

⁷ Появлению издания предшествовало детальное исследование: Λαμψιδῆς Ὁ. Συμβολαὶ εἰς τὸν βίον καὶ τὰ ἔργα Ἀνδρέου τοῦ Λιβადηνοῦ. — «Ἀρχεῖον Πόντου» 29, 1968, с. 122—279.

⁸ См. также Σχόλια εἰς τὴν ἀκουστικὴν μετρικὴν βυζαντινῶν στιχοῦργῶν ἰαμβικοῦ τριμέτρου. — «Ἀρχεῖον Πόντου», 31, 1972, с. 235—340.

⁹ О. Лампсидис пересматривает датировку этого посольства, данную Ф. Дельгером (1339 г.): Dölger Fr. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Bd. 4. (1282—1341). München—Berlin, 1960, N 2839—2841; ср. Λαμψιδῆς Ὁ. Ἀνδρείου Λιβადηνοῦ βίος καὶ ἔργα, с. 206—219.

честве и чьи бледные образы эпигонов заслонены яркими фигурами Феодора Метохита и Григория Паламы, Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина. Между тем, деятельность многих десятков таких, пусть скромных и «неоригинальных» писателей также создавала интеллектуальную атмосферу византийского общества XIV в., и поэтому заслуживает международного внимания исследователей.

С. П. Карпов

Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том I. Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Скопската област. Скопје, 1975, 500 с.

Выпущенный под редакцией проф. В. А. Мошина том открывает новую серию публикаций Архива Македонии, посвященную историческим памятникам эпохи развития феодализма, т. е. той поры, когда эти районы Балканского полуострова входили в состав Византийской империи, Сербского и Болгарского государств или местных княжеств. Новая серия будет включать издания, построенные по локальному (как первый том), хронологическому (как подготавливаемый второй том, в котором будет рассмотрена международная обстановка конца XIII—начала XIV вв.) или персональному принципу (переписка Феофилакта Охридского, Дмитрия Хоматиана). В соответствии с этими задачами первый том объединяет источниковедческие очерки и публикации текстов, относящихся к истории г. Скопье и его окрестностей на протяжении XI—XIV вв. Поскольку эта область находилась (с перерывами) вплоть до 1282 г. под властью Византии, актовые и эпиграфические памятники первого тома представляют большой интерес для истории Византии, Сербии, сербо-византийских и болгаро-византийских отношений (главным образом в XII—XIV вв.), в особенности — для анализа социально-экономических процессов той поры, истории земельной собственности церкви и монастырей (как местных, так и афонских, т. е. Хиландаря и его метохов), их привилегий, податной системы и т. д.

Большая часть памятников, вошедших в первый том, уже была издана, в некоторых случаях даже неоднократно, однако нередко текст их был напечатан в сокращенном, с заметными пропусками, без подробных научных комментариев. Иногда надлежащему использованию этих источников препятствовала неразработанность важных источниковедческих вопросов (проблем датировки, подлинности и т. п.), отсутствие тщательной проверки упоминаемых в грамотах многочисленных населенных пунктов (речь идет не только о проверке их названий, но и об уточнении местонахождения, что имеет большое значение для изучения истории землевладения той поры), а также их сопоставления в должном объеме с аналогичными византийскими и южнославянскими актами, относящимися к тем же монастырям или той же территории. Поэтому текст источников, публикуемых теперь заново, воспроизводится с учетом требований современной дипломатики, тщательно сверен с оригиналами (или их фотографиями, разумеется, за исключением тех случаев, когда грамота уже утеряна: см., например, с. 251, 271, 293 и 359 — об актах, не сохранившихся в Хиландарском архиве); текст сопровождается обстоятельным комментарием и специальными очерками или разделами, где дается характеристика прежних изданий, рассматриваются проблемы датировки, подлинности, состава, источников, наконец, местонахождения соответствующих селений, метохов и монастырей.

Таким очеркам, посвященным отдельным монастырям Скопской области и их грамотам и надписям XII—XIV вв., предпосланы статьи обзорного характера (Т. Томоского — об истории этой области в XI—XIV вв., и К. Петрова — о церковных памятниках г. Скопье и его окрестностей). Вслед за кратким очерком о церкви св. Пантелеймона в с. Нерези, получившей широкую известность, благодаря своим фрескам XII в. (здесь на с. 90—91 издана греческая надпись ктиторы — Алексея Ангела от сентября 1164 г.), следует наиболее интересная и самая обширная публикация — текст трех жалованных грамот, дарованных одному из самых крупных и богатых монастырей северной Македонии — обители св. Георгия Горга (Скопского или Виргинского, как иногда указывается в литературе). Как известно, особое внимание исследователей привлекали наиболее ранние и подробные из этих грамот, изданные болгарским царем Константином Асенем (по мнению В. А. Мошина, в начале 1258 г. — см. с. 123) и сербским королем Стефаном Урошем II Милутином (в 6833 г. от сотворения мира, что обычно в литературе переводится как 1300 г.). Общеизвестно богатство данных актов разнообразными свидетельствами по истории византийско-славянских отношений, по социально-экономической истории было причиной не только постоянного использования их в историографии, но и оживленных дискуссий и длительной полемики. Особые споры вызывало время создания монастыря и идентификация его августейших дарителей (монастырь св. Георгия был основан в XI в. Романом Аргиром и пользовался благоволением Романа Диогена, Алексея I Комнина и других византийских императоров), местонахождение обители (см. с. 242—247), особенности же — датировка грамоты Константина Асеня (так называемой Виргинской) и проблема ее подлинности¹. В вводной статье (с. 97—177) В. А. Мошин убедительно

¹ Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты. — «Советское славяноведение», 1965, № 5.